


Нагой человек без поклажи

Ольга
Ицкова



“Значит, где б ты теперь
ни странствовал,
На пороге любой весны,
Будешь бредить полярными
трассами, Будешь видеть
снежные сны”

Р. Рождественский

18+

Ольга Ицкова

Нагой человек без поклажи

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ицкова О.

Нагой человек без поклажи / О. Ицкова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Жизнь главного героя круто меняется, когда однажды утром он обнаруживает электронное письмо, в котором говорится, что ему предстоит отправиться на Север. Повесть о дружбе, белых медведях и поиске себя среди заснеженных фьордов. О том, что иногда, чтобы научиться жить заново, нужно отправиться на край света и встретить человека по имени Берл.

Olafur Arnalds – Only the Winds

*Значит, где б ты теперь ни странствовал,
На пороге любой весны,
Будешь бредить полярными трассами,
Будешь видеть снежные сны.
P. Рождественский*

По большому счету, мне не нужно было топить собаку.

В конце концов, я был всего лишь барменом в местной пивоварне. Хотя, «местная» – недостаточно громкое прилагательное, «местная» вам ни о чем не скажет. Пожалуй, мне стоило сказать: «в самой северной в мире пивоварне». Я был всего лишь барменом в местной пивоварне, но моя тесная, по чистой случайности сложившаяся дружба с шахтерами привела к тому, что теперь я тащил тяжеленную арматурную загогулину через весь Баренцбург. Всю дорогу меня сопровождали мои приятели и их насмешливые комментарии. Но больше всех, конечно, радовался Берл – двухметровая швабра с кирпичным, неизменно небритым лицом и привычно насупленными бровями – его легко могло бы сдуть суровыми шпицбергенскими ветрами, но он на удивление крепко всегда держался на ногах. Почему-то сомневаться, что именно Берл смастерил для меня собаку, не приходилось. Как он это сделал, предполагать я не брался, а спрашивать было бы бессмысленно – ни на один прямой вопрос Берл прямо никогда не отвечал. У него всегда находилась пара едких шуток и забавных комментариев, при помощи которых он умело менял тему. Клянусь вам, по пальцам одной руки можно было бы пересчитать, сколько раз Берл прямо и честно отвечал на мой вопрос – если, конечно, речь не шла о выпивке – да и то, не все пальцы пришлось бы использовать. Я даже настоящего имени Берла не знал.

Я был всего лишь барменом в местной пивоварне. И вот теперь я тащил тяжеленную арматурную собаку через весь Баренцбург, сопровождаемый своими приятелями-шахтерами, подбадривавшими меня радостным улюлюканьем. Про традицию «топить собаку» Берл рассказал мне еще в первый месяц моего пребывания в Баренцбурге. Тогда у меня еще толком не было работы – в пивоварне полным ходом шел ремонт, и мне приходилось до блеска натирать стаканы в ресторане местной гостиницы, больше походившем на столовую общепита советского образца, в какую в детстве меня водила бабушка. Так сложилось, что этот ресторанчик все равно был единственным питейным заведением на весь шахтерский поселок, и волей-неволей пропустить стаканчик все собирались именно там. Там же я познакомился с Берлом.

Хотя, познакомился я с ним чуть раньше, а именно, когда комендантша, разведя руками все мои неозвученные возмущения, сказала, что пока придется пожить так. «Так» означало делить пятиместную общажную комнату с шахтерами и спать на подставленной дополнительным койко-местом раскладушке у самой двери. «Пока» растянулось на целых два года.

Одним из первых напутствий, которые мне дал Берл, был совет «хорошо себя вести». Он заявил мне, что теперь я, как ни крути, один из них, хоть и не таскаюсь в шахту, как каторжник, а знай себе, стакашки до блеска натираю. Сказал, что теперь все правила распространяются и на меня тоже. Эта поучительная речь была произнесена под конец второй недели моего пребывания в Баренцбурге. Все обитатели нашей перенаселенной комнаты сгрудились плотным кольцом, а меня, как провинившегося школьника из закрытого интерната для мальчиков времен королевы Виктории, усадили на стул посреди комнаты. Чувствовал я себя соответствующе – как мальчишка в окружении суровых взрослых дядь. Из всей пятерки насупленных шахтеров, в большинстве своем коренастых широкоплечих мужиков среднего возраста, больше всего выбивался Берл. Сухой, как мумия, и высокий, как ожившая шпала, он возвышался надо всеми, несмотря на вечную сутулость, которая делала его похожим на ходячий вопроситель-

ный знак. По совершенно необъяснимой мне причине, он был всеобщим негласным лидером. Именно в тот вечер я выслушал лекцию о том, как здесь принято «топить собаку». Скрученную из арматуры железную фигурку собаки нужно протащить через весь поселок до порта и там утопить. Чем лучше ты себя зарекомендовал, тем меньше твоя «собака» и тем легче тебе ее тащить.

Теперь, волоча неподъемную железку к порту (как Берл ее скрутил и откуда в его жилистом скелетоподобном теле взялось столько силы?), я припоминал все свои прегрешения, из-за которых мужики решили сделать мою псину такой тяжелой. Вот, например, Леву я неоднократно выставлял из пивоварни и отправлял домой, за что он так же неоднократно грозился начистить мне «этот пижонский хлебальник», но неизменно забывал о данной обещании, как только трезвел.

У этого широкоплечего амбала с голосом 15-летнего подростка, кажется, совершенно отсутствовал инстинкт самосохранения. Напивался он до беспамятуства; пару раз – признаю, моя вина, не доглядел – выпрыгивал раздетым на мороз, чтобы искупаться в снегу. Меня до сих пор удивляет, что он ни разу не загремел в больницу с обморожением. Единственное, что заставляло его страдать после подобных выходов – похмелье и неизменный, как он выражался, «пилёж» его жены. Эта по истине святая женщина работала здесь же, в столовой для шахтеров старшей поварихой. Каждый раз, когда мы с Берлом появлялись на пороге, Левина жена, как и три ее соседки по комнате, тяжело вздыхала и благодарила нас с Берлом, что доперли ее хряка до порога. Меня всегда удивляло, как Берл легко поднимал и тащил упитанного Леву, тогда как я, хотя и был очевидно спортивнее, каждый раз запыхивался так, словно бежал кросс по пересеченной местности, а не тащил пьяного приятеля. «Спасибо» Лева нам никогда за это не говорил, только сопел недовольно на следующий день, когда мы все вместе обедали в шахтерской столовой. Эти совместные обеды были еще одной традицией, которую привнес в наш микро-коллектив Берл. Разумеется, они существовали и до моего появления, а я лишь стал приставным стулом за общим столом и лишним участником традиционной игры «что я буду делать, когда вернусь на материк». На таких обедах Лева оскорбленно сопел, ну а Берл – что же, Берл почти всегда смеялся.

Эта его способность искренне хохотать надо всем, практически складываясь пополам, никак не вязалась с его привычно суровым образом. На деле же оказалось, что я просто боялся и сторонился его первые пару месяцев. Берл был настоящей душой компании.

Ко всему прочему, у него была совершенно неумная потребность нарекать людей одному ему понятными прозвищами. Он говорил, – так яснее. Ему – возможно, но я недоумевал. По его словам, так он лучше воспринимал общество, и так куда легче было различать тех, с кем хочется общаться, и тех, кого не жалко оставить в шахте.

Когда я только появился на приставной раскладушке в их комнате, на приставном стуле за их столом и лишним элементом в их обычно изолированном социуме, мужики наперебой стали придумывать мне прозвище. Их вполне можно было понять. Из развлечений в Баренцбурге были разве что вечера самодеятельности в местном Доме Культуры, товарищеские футбольные матчи и заплывы в бассейне с подогретой морской водой. Мне – все в новинку, все интересно и волнующе; им – который год вокруг снега и Лева, задорно играющий на аккордеоне. Кажется, именно Лева первым обозвал меня Пижоном, остальные с радостью подхватили, конечно, но не Берл. Некоторое время я оставался для него безымянным, безликим «ты».

Но я отвлекся. Итак, я тащил арматурную собаку к порту. Поговаривали, что какое-то время назад этих утопленных собак в воде было так много, что корабли, раз в полтора месяца привозившие на остров продукты, даже не могли пришвартоваться. Тогда всех утопленных собак выудили, а обитателям поселка строго-настрого запретили заниматься такой ерундой. Но для Берла закон был не писан, и он заявил, что новичок – которым по несчастливому стечению обстоятельств был я – обязан пройти обряд посвящения.

Больше всех, глядя на мои потуги, радовался Берл. Он, верно, мог бы единолично осветить мне дорогу своей широченной улыбкой. Но непроглядную темноту полярной ночи прорезало только северное сияние, развернувшееся во всю ширь чернильного неба. Весь первый месяц в Баренцбурге у меня затекала шея от того, что я вечно ходил с запрокинутой головой.

Отличить воду от неба было сложно. И одно, и другое подозрительно походило на разлитую по недоразумению нефть. На небе полыхало северное сияние, в воде же оно отражалось. Я внимательно смотрел вниз на то, как моя собака летела навстречу воде. Совершенно не к месту я подумал, что, упав я с такой высоты, я бы умер от того, что разбился бы о воду, как об асфальт. Наконец, раздался громкий плеск. Мне казалось, прошло очень много времени, но на деле же пролетели жалкие мгновения с того момента, как я столкнул железную корягу с причала до ее встречи с ледяными объятиями океана.

– Ну что, Грач, – сказал Берл, широко разведя в стороны свои длинные руки, – ты теперь официально один из нас!

Объятия у Берла были очень крепкими, несмотря на его обманчивую внешность. Следом за поздравлениями он, разумеется, со смехом натянул мне шапку на глаза и хлопнул по плечу. Всю дорогу от бюста Ленина до порта я красочно представлял себе, как сниму рукавицы – специально, чтобы сделать это голыми руками – и придушу Берла за то, что он заставил меня через это пройти.

Ведь, по большому счету, мне не нужно было топить собаку. И тем не менее, это по праву стало одним из лучших моих дней в Баренцбурге. Мы возвращались в общагу шумной гурьбой, радостно смеялись и обменивались дружескими тычками в ребра, не слишком, правда, ощутимыми – толстые куртки и многие слои футболок и свитеров смягчали удары.

Копаясь теперь в своих воспоминаниях, я понимаю, что едва ли были события, которые обходились без участия Берла. Учитывая его напускное безразличие и манеру всегда держаться особняком, становилось забавным его постоянное участие в моей жизни – да и, откровенно говоря, в жизни если не всех, то очень многих обитателей поселка. Берл всегда отмахивался и говорил, что ему плевать, но шел и чинил подтекающий кран, помогал поднять тяжелую кастрюлю, нес ребенка в больницу на руках и делился со мной одеждой. В ответ на любую благодарность он только пожимал плечами, подмигивал, хлопал по плечу. Благодарность Берл принимать решительно не умел.

Я ежился в безразмерном, больше похожем на мусорный мешок, пуховике Берла. В интернете я вычитал, что средняя температура самого холодного месяца здесь не опускается ниже минус тринадцати, но это оказалось самой большой ложью в моей жизни. Глупо, конечно, было думать, что на семьдесят восьмой широте, в городке, расположенном всего в тысяче километров от Северного Полюса, не будет холодно. Для меня практически любой выход на улицу становился сущей пыткой, особенно поначалу, когда я трясся в своем драповом пальто (в собственную защиту скажу, что пальто было на теплой подкладке, зимнее). Теперь уже, проведя на острове много месяцев, я понимаю, насколько абсурден был мой выбор гардероба и насколько смешон я, должно быть, был.

Собственно, Берл и не скрывал того, какое удовольствие ему доставляло смеяться надо мной. Однако его доброты хватило на то, чтобы отдать мне свой второй пуховик, сопроводив это ироничным «Не по пижонскому плечу, конечно, будет, но тут уж звиняй любезно».

—

Когда я впервые услышал слова «полярный поселок», перед моим внутренним взором живо нарисовался полуразрушенный город-призрак, чем-то отдаленно похожий на гибрид Припяи и Арктической станции. Откуда у меня возникли именно такие ассоциации, объяснить сложно, но от таких образов глаза у меня загорелись, а душа романтика, выросшего на

книжках про полярников, затрепетала. Я поклялся себе, что побываю в полярном поселке Баренцбурге.

Мое фактическое попадание в Баренцбург можно считать счастливым провидением, глупой шуткой Вселенной, а можно – одним из самых феерических моих пьяных дебошей. Дебоша тут, конечно, никакого не было, а вот преступление против здравого смысла – вот оно, налицо. Напиться, чтобы совершить глупость, на которую по трезвяку не хватает толщины кишок, как оказалось, было очень даже в моем стиле.

Вспоминать теперь обстоятельства, приведшие меня на Шпицберген, немного странно. Думается, Арктика сильно меня изменила, и то, что я делал тогда, два года назад, о чем думал и за что переживал, кажется теперь недостижимо далеким и до наивного глупым. Я тогда разводился с женой. Теперь даже вспоминать стыдно, как я раз за разом пробивал эмоциональное дно, убивался, пытаясь спасти то, что свое отжило. В то же самое время я лишился работы, и на несколько дней вся моя жизнь сосредоточилась в комнате на съемной квартире у моего приятеля и продуктовом магазине на первом этаже того же здания, куда я исправно бегал за добавкой. Пить как следует, впрочем, я никогда не умел, даром, что бармен. Из-за этого половину всего времени я проводил в обнимку с унитазом.

Но дураков жизнь ничему не учит, поэтому едва протрезвев, я снова шел вниз, неуютно ежился под сочувствующе-осуждающим взглядом продавщицы и возвращался в любезно выделенную мне комнату. Теперь мне отчаянно хочется многословно приносить Сереге свои извинения за то, каким мудаком я был в те дни.

Возможно, Вселенной надоело смотреть, как я падаю все ниже и ниже, и она решила дать мне шанс, а может, никаких предначертанных случайностей не бывает, это все сущие глупости, и в Баренцбург я попал только потому что случайности случайны.

Но мне отчаянно хочется думать, что это не так.

Все-таки, чтобы по чистой случайности попасть на Крайний Север, надо очень постараться.

Моя новая жизнь началась одним более трезвым, чем предыдущее, утром, когда я обнаружил в ящике электронной почты письмо от некоей компании «Арктикуголь». Из длинного послания, перенасыщенного клишированными и слишком сложными для моего проспиритованного мозга формулировками, я смог уловить, что мою кандидатуру на трудоустройство в компании утверждают. Пришлось приложить недюжинные усилия, чтобы вспомнить, как предыдущей ночью я накачал им длиннущее резюме, случайно наткнувшись на вакансию в перерыве между выбором очередного порноролика и гугл-запросом о списке отпускаемых без рецепта снотворных.

Как я понял из письма, я улетал на остров Шпицберген через две недели. Но в момент, когда я, сидя на унитазе, все еще пьяный с ночи, читал электронное письмо, я не мог даже внятно произнести слово «Шпицберген», и уж тем более не представлял, где это находится.

Всю следующую неделю я пытался возродиться из мертвых. Вообще, надо признать, что я был ужасным другом. В отличие от Сережи, который стойко выносил и мое запойное амбре, и вечно занятый туалет, и то, что я со скоростью света опустошал его холодильник, и даже то, что я оккупировал его ноутбук. Сережина девушка – имени ее я не вспомню, говорю же, друг из меня был никудышный – в отличие от него самого, терпеть меня не слишком хотела, да и ее можно было понять. Они с Серегой ссорились, а я – я запоем читал все, что интернет мог рассказать мне про Баренцбург.

Выяснилось, что в школе у меня было плохо не только с физикой, но и с географией. И с историей. Насколько я понял, Баренцбург – практически олицетворение избитой фразы про забытое богом место. Когда-то давно, в двадцатом веке, СССР владел несколькими угольными рудниками на архипелаге Шпицберген. Сам архипелаг, хотя территориально и принадлежал Норвегии, по факту являлся своего рода свободной территорией. Затем выяснилось, что

в школе у меня хромало еще и обществознание: Википедия сообщила мне, что в 1920 году более пятидесяти стран подписали Шпицбергенский трактат, который установил суверенитет Норвегии над архипелагом и разрешил странам-участницам договора вести здесь промышленную, коммерческую и научно-исследовательскую деятельность. Чем теперь положение Шпицбергена отличалось от его положения в прошлом, так и осталось для меня загадкой – по всему выходило, что остров все еще никому не принадлежит.

Но забивать себе голову подобными юридическими тонкостями было совсем уж не в моем духе. В конце концов, я ехал в полярный шахтерский поселок Баренцбург, чтобы работать (здесь мне пришлось свериться с письмом, чтобы вспомнить, кем именно меня взяли туда работать) барменом в пивоварне. В некотором смысле – чистой воды абсурд, кому придет в голову строить пивоварню на семьдесят восьмой широте в поселке с населением меньше пяти-сот человек? Абсурд, но как же этот абсурд манил меня своей безбашенной романтичностью. Последний оставшийся на плаву российский анклав на Шпицбергене звал меня. И я, как глупая школьница, повелся на этот зов.

«Арктикуголь» предложил мне срочный двухгодичный контракт. И это означало, что мне предстояло покинуть материк на ни много ни мало два долгих года без единой возможности вернуться раньше срока. Точнее, возможность, конечно, была, но в случаях исключительно крайних, к которым мне лично прибегать не хотелось. А сгонять за лишним свитером на материк – это уж нет, это уж извольте сразу думать, что с собой брать.

Вспоминая теперь процесс своих сборов, я должен оправдаться: я думал. Не знаю, правда, каким именно местом, ведь вместо новехонькой сноубордической куртки, купленной несколькими неделями ранее по Серегиному же совету – и купленной не зря, теплее этой куртки в моем гардеробе не было ничего – я отправился за полярный круг в выдавшем виды зимнем драповом пальто. Место лишнего свитера в чемодане занял ежедневник в мягкой кожаной обложке. Отчего-то я ясно рисовал себе в голове картину, как буду вести подобие трэвел-журнала, стоя за барной стойкой, пока немногочисленные посетители – их я представлял себе неизменно как суровых полярников с рублеными, грозными лицами – будут потягивать пиво за столиками. Легко можно догадаться, что все обернулось совсем не так, как я себе представлял. Пожалуй, единственной разумной вещью, которую я взял с собой в поездку, было термобелье. Да и взял я его только потому что моя мать, которой я позвонил за два дня для отлета, чтобы рассказать о предстоящем приключении, прожужжала мне все уши и не успокоилась, пока я не подтвердил ей, что термобелье в чемодан положил.

Знаете, в детстве мы все противимся тому, что нам говорит мама? Да и вырастая, мы порой скептически относимся к материнским наставлениям. Я никогда не был так благодарен матери, что она настояла на термобелье, как в первую свою неделю в Баренцбурге. Собственно, отчасти за эти же самые утепленные штаны я и был признан шахтерами пижоном. Но тут, нужно признать, просто сошлись все звезды: мою привычку смотреть прямо в глаза собеседнику люди часто воспринимали как надменность; перстень на безымянном пальце правой руки, заменивший мне обручальное кольцо, ближе к народу мой образ тоже не делали. Да еще и мое драповое пальто. Ну и стрижка, конечно, всегда эта стрижка. Неизменный предмет шуток на протяжении многих лет. А сейчас мои стриженные «под горшок» волосы вызывали просто шквал насмешек, начиная с вопросов, не поповский ли я сын и заканчивая удивленными «Что за бобра ты себе на голову посадил?» Должно быть, на фоне суровых шахтеров, в большинстве своем выходцев из восточной Украины, с Донбасса, я и впрямь выглядел холеным напыщенным пижоном.

Мне повезло угодить в Баренцбург зимой, в самую настоящую полярную ночь. Резко перенестись из центра Питера в место, где из освещения остались только электрические источники света, оказалось сложно. Так я на собственной шкуре узнал, что такое астрономические сумерки.

Остров был окутан сумраком, когда чартерный рейс со мной и еще несколькими будущими полярниками приземлился в аэропорту в Лонгйире. Этот маленький норвежский городок, расположенный недалеко от Баренцбурга на том же архипелаге, по сути, являлся единственным окном на материк, за исключением разве что кораблей и шхун, заходящих в залив у Баренцбурга и отечественных вертолетов МИ-8, которые навещают шахтерский поселок совсем уж нечасто.

Сумеречная туманная серь, жидкая и полупрозрачная, заливала суровый северный ландшафт. Из-за этого яркое здание аэропорта, отдекорированное панелями цвета фуксии, казалось детской наклейкой, шутки ради наклепленной на иллюстрацию в советской книге про Крайний Север. Перед нами раскинулась аскетичная природа архипелага Шпицберген, изрезанного покрытыми жухлой травой и скудными кустиками холмами. До сих пор помню первое свое впечатление от открывшегося моим глазам бескрайнего северного простора. Такое благоговейное восхищение, такая глупая, почти отчаянная восторженность. Теперь, глядя на холмы и пустошь перед аэропортом в Лонгйире, я понимаю, как был наивен – тогда я не видел еще настоящего Севера, не видел ни единого фьорда, не бывал на леднике, не смотрел на то, как у берега плещутся белухи и как неуклюже выбираются из воды моржи.

Тогда, только выйдя из теплого здания аэропорта, я всего этого не видел, не знал и даже не ожидал. Моим глазам открылась залитая сумерками северная тундра. Наверное, именно тогда я и влюбился в Арктику. Без оглядки.

—

Я все ждал и ждал, а сумерки никак не собирались заканчиваться, и это длилось не час и не два, и даже не день, и даже не два. Различать время суток мне, не привыкшему к таким условиям, было сложно, и я смутно помню первые несколько недель на архипелаге. Сейчас, восстанавливая в голове все события, я припоминаю, что постоянно был в подавленном расположении духа, спать мне было тяжело, а бодрствовать – и подавно. Романтика первого впечатления быстро развеялась, я постоянно мерз и не хотел никуда выходить. Впрочем, оставаться в общажной комнате со своими соседями мне тоже не слишком нравилось, поэтому волею неволей я выбрал из двух зол наименьшее и заставлял себя совершать регулярные прогулки, хотя бы небольшие перебежки от одного здания к другому.

По прилете на Шпицберген нас сразу пересадили на вертолет, отвезли в Баренцбург и расселили по общежитиям. Новоприбывшим объявили двухнедельный карантин (из-за низкомикробной среды на Шпицбергене мы, только что доставленные с материка, были в буквальном смысле Ноевым ковчегом для бактерий и микробов) и выделили эти две недели на акклиматизацию. Нам назвали день и время, когда мы должны были явиться в офис «Арктикуглы», что находился в восточной части города. Чистенькое и опрятное, это свежестроенное здание, как и здание российского консульства, решительным образом выбивалось из общей картины поселка, чем-то напоминавшего деревни, в которые в свое время ссылали декабристов, и потому слишком сильно моего внимания не привлекали.

Куда больше меня влекла Роза Ветров.

Весь Баренцбург можно было бы обойти за пару часов, останавливаясь возле каждого дома, каждого кустика и каждой лестницы. О эти лестницы! Их здесь было немало, на любой вкус и цвет, деревянные и металлические, крутые и пологие, крепкие и шатающиеся. Центром этого крошечного, откинутого на самый край карты поселения была площадь, носившая название Роза Ветров. Пожалуй, это было самое открытое и самое продуваемое суровыми северными ветрами место во всем Баренцбурге – чем и заслужило свое название. Но отсюда открывался чудесный вид как на поселок, так и на залив Грэнфьорд. Рассматривать отсюда поселок мне, конечно, особенного интереса не было, то ли дело всматриваться в темную гладь воды,

вздымавшуюся рябью при сильном ветре; разглядывать тонкую цепочку тянувшихся по противоположному берегу огоньков, скрывающихся за очередным вздыбом мерзлой земли; приглядываться к остроконечным вершинам гор.

К моему удивлению, небо не было полностью черным все время. Как мне рассказала улыбчивая полноватая продавщица в местном продуктовом магазине – именно она стала моей постоянной собеседницей в первые дни – полярная ночь, тянувшаяся последние четыре месяца, уже подходит к концу, и сейчас архипелаг Шпицберген накрыли так называемые астрономические сумерки. Солнце не поднимается над горизонтом достаточно высоко, чтобы осветить землю, но отражение от его света все же заливает остров серой полупрозрачной тьмой. Нюра – именно так мне представилась продавщица, оказавшаяся бывшей детсадовской нянечкой родом из Тюмени – пообещала, что скоро над Баренцбургом взойдет солнце.

Кроме прекрасного вида на залив, Роза Ветров интриговала меня местной достопримечательностью. Здесь стояла (никто толком не смог мне ответить, как давно она там, кто и зачем ее туда водрузил) небольшая субмарина, напомнившая мне известную песню Битлз. Желтой, правда, она не была, но я все же не удержался от того, чтобы пропеть «We all live in a yellow submarine, yellow submarine, yellow submarine» [«Мы все живем на желтой субмарине, желтой субмарине, желтой субмарине» The Beatles, “Yellow Sumbarine”, 1966]. Признаться честно, я пропевал эту строчку каждый раз, когда приходил к субмарине, чтобы полюбоваться на залив. В один из таких визитов я оказался пойман с поличным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.